

НИКОЛАЙ ГОРНОВ

АНТИВИРУС

Николай Викторович Горнов

Антивирус

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24435126
ISBN 978-5-99051555-3-6

Аннотация

Сейчас об этом мало кто помнит, но еще каких-то 30 лет назад фантастику читали все – от пионеров до пенсионеров. И вовсе не потому, что авторы звали в технические вузы или к звездам. Читатели во все времена любили интересные истории об обычных людях в необычных обстоятельствах. Николай Горнов, омский журналист и писатель, – один из немногих, кто это помнит. И до сих пор не разделяет фантастику и литературу. Написанные за последние пять лет тексты, составившие его третью книгу, в сегодняшнем понимании трудно назвать фантастикой. Скорее это просто интересные истории, в которых мы видим жизнь во всем ее фантастическом многообразии. Он пишет о том, что с нами происходит сегодня и, вполне возможно, произойдет завтра. Если мы не попытаемся изменить свою жизнь, конечно...

«Поперек парковки, подсакивая на «лежачих полицейских», промчался на всех парах удлинённый «Соболь» с усиленной подвеской, расширенной колесной базой, широкой белой полосой на дутых синих боках и рельефным логотипом в виде мелкого грызуна, стилизованного под сумку почтальона. В прошлом

году Служба техподдержки получила пять таких машин. Ни дать ни взять – курьерская доставка. Вряд ли кому-то придет в голову мысль, что вместо аккуратных синих посылок в непримечательном почтовом фургоне прячется, скрючившись, полувзвод бойцов из отряда специальных операций «Клин»...»

Николай Горнов

Антивирус

Марьяна вжалась в полированный гранит стены, словно он мог как-то защитить ее от пронизывающего ветра.

– Так и насмерть недолго замерзнуть...

Шестаков неопределенно дернул плечами.

– Ну давай я тебя согрею. Изобразим парочку влюбленных имбецилов...

Марьяна демонстративно фыркнула.

– Сволочь ты, Шестаков.

– Нет, сволочью я быть никак не могу. Все же я птица высокого полета – главный государственный инспектор в сфере массовых коммуникаций.

– Опять тебя повысили. Надо же! – искренне удивилась Марьяна. – Впрочем, в вашей конторе это принято. Как найдут подходящий по тупости экземпляр, так сразу вверх пихать начинают... Слушай, тебе же штаны с лампасами должны были выдать. Вместе с черными шевронами и большой золотой звездой...

Шестаков хмыкнул.

– Самое время о штанах думать!

– А почему бы и нет? Краповые с широкой синей полосой – ценность на все времена. Ты теперь, согласно табелю о рангах, наравне с бригадным генералом Сил Самообороны.

Марья причмокнула, словно хотела попробовать слово «генерал» на вкус.

Шестаков поскреб ногтями недельную небритость на щеках и подбросил в воздух коробочку с мятным жевательным мармеладом, завалившуюся в кармане плаща.

– Хочешь?

Марьяна отрицательно качнула головой.

Небо набухло на глазах и провисло уже почти до земли. Порывистый ветер, разгоняясь от реки, набрасывался на редких прохожих, от избытка энергии закручивался в мелкие спирали и растаскивал цветную упаковочную пленку по полупустой автостоянке на крыше многоярусной парковки молла «Фестиваль».

– Трам-та-ра-рам, – пробормотала Марьяна, оценивая тяжесть облаков. – Думаю, Шестаков, через пять минут мне все же придется тебя покинуть. Понимаешь, безопасность жизни для меня важнее, чем даже самая высокооплачиваемая внеурочная работа.

– Только не сорви мне акцию, девушка...

Марьяна огорченно выдохнула.

– Ну, давай хоть в Третий ярус на минуточку заскочим. Погреемся. Я – живая! Шестаков, ты не забыл, что мне иногда и в туалет нужно. Имей совесть, решай же уже что-нибудь!

Шестаков хмыкнул и подумал, что у него без неувязок не обходилась еще ни одна операция, как бы тщательно они

ни планировал последовательность действий. Понятно, что техподдержка не потерялась по дороге, а просто застряла в пробке. С узкими улицами Старого города он ничего не мог поделать. Как и с мерзким сибирским климатом, впрочем...

– Если ты еще хотя бы пятнадцать минут потерпишь, приплюсую к сверхурочным бонус в виде компенсационного ужина в хорошей точке общепита, – предложил после непродолжительного раздумья Шестаков.

Марьяна криво усмехнулась.

– Мечты сбываются. Ты давно на себя в зеркало смотрел, генерал Дима? С тобой даже в анатомический театр пойти стыдно, не то что на ужин.

– Тогда радуйся, летит наш тарантас, не придется тебе позориться.

Поперек парковки, подсакивая на «лежачих полицейских», промчался на всех парах удлинённый «Соболь» с усиленной подвеской, расширенной колесной базой, широкой белой полосой на дутых синих боках и рельефным логотипом в виде мелкого грызуна, стилизованного под сумку почтальона. В прошлом году Служба техподдержки получила пять таких машин. Ни дать ни взять – курьерская доставка. Вряд ли кому-то придет в голову мысль, что вместо аккуратных синих посылок в непримечательном почтовом фургоне прячется, скрючившись, полувзвод бойцов из отряда специальных операций «Клин»...

– Передвигаемся прогулочным шагом, – напомнил Шеста-

ков.

– Замолчишь ты когда-нибудь? – прошипела в ответ Марьяна.

– Тяжело в учении – легко в заключении. Кто это сказал?

– Иди ты в Канал, паразит, вместе со своим Кутузовым!

– Суворовым, – автоматически поправил Шестаков.

– Вот с ними обоими и иди!

Почтовый фургон затормозил у главного входа в бизнес-центр.

Шестаков махнул рукой и через секунду из откинувшейся задней аппарели вывалился подполковник Седой в полном тактическом обмундировании, а за ним следом посыпались горохом его бойцы, лязгая затворами тяжелых штурмовых винтовок «Гром» и поправляя на бегу защитные сферы из светло-серого композита.

– Вперед, вперед! – ревел Седой. – Держать строй!

Шестаков нацепил поверх плаща оранжевую накидку с логотипом «Лаборатории Касперского», прикрепил к уху клипсу корпоративного бифона и переключился на защищенную линию. В бизнес-центре ему желательно было оказаться одновременно с бойцами Седого, чтобы и безопасники «Фестиваля» не перестарались с самообороной, да и Седой в запале не развалил ничего лишнего. Фонд страхового возмещения – он большой, но не безразмерный. Да и Марьяна при всей ее лояльности к Шестакову не самый сговорчивый страховой комиссар...

– А ну-ка, двигаем свесами! – взбадривал Седой своих бойцов, но они и без взбадривания за несколько секунд направленными взрывами свалили массивную входную группу, заклинили систему интеллектуальных турникетов, нейтрализовали трех местных охранников и равномерно распределились по просторному холлу, укладывая на пол всех, кто пытался двигаться.

– Гражданских не щупать! – строго прикрикнул Седой, отправляя в радужный подвесной потолок две короткие очереди из многоствольного комплекса «Каскад-М». По черному базальтовому полу запрыгали белые композитные гильзы.

– Всем сохранять спокойствие и оставаться на своих местах! – подключился Шестаков, размахивая своим титановым значком с лазерной подсветкой. – В здании проводится специальная операция! Всем, кто не окажет сопротивления, гарантируется гражданская неприкосновенность!

– Какой, говоришь, этаж? – уточнил по защищенной линии Седой. – Прости, командир, опять запомнил...

– Двадцать восьмой. Только чтобы не как в прошлый раз, – предупредил Шестаков.

– Понял! – Седой поднял вверх большой палец. – Это Ангара, всем быть на связи. Байкал берет на себя грузовой подъемник. Валдай – лестницы. Цель: два-восемь! Повторяю: два-восемь!

Шестакову внезапно стало жарко. Он украдкой смахнул рукой пот со лба и огляделся, оценивая обстановку. Один бо-

ец техподдержки держал в секторе обстрела весь холл. Другой – входную группу. Остальные, судя по далекому шуму, заблокировали лестницы и лифты. На первый взгляд, все нормально. Но какая-то тревога все же шевелилась в груди, не давая свободно выдохнуть.

– Госпожа страхового комиссар, вы где? – поинтересовался Шестаков, вспомнив про Марьяну. – Война закончилась. Потери будем считать потом.

– Ну вы и дали отпор фашистам! – Марьяна выползла из-за низкого кожаного дивана и стряхнула с волос осколки синей декоративной штукатурки. – Не забыл, надеюсь, про страхового лимит?

– Ты это... не отставай от меня. Держись на расстоянии видимости... Подчеркиваю, это не приказ, а личная просьба.

– И куда теперь? – Марьяна присмирела.

– На пожарную лестницу.

Клипса бифона хрюкнула, настойчиво требуя ответа на входящий сигнал по защищенной линии.

– Первый, это Ангара. Уборку завершили. Потерь нет.

– Ангара, понял тебя, – пробормотал Шестаков, отвернувшись от Марьяны. – Буду через пять минут...

До десятого этажа они поднимались вполне бодро, к шестнадцатому темп пошел на убыль, а после двадцатого этажа Марьяна начала вздыхать уже откровенно.

– Перекур! – объявил Шестаков и первым опустился на ступеньку.

Девушка рухнула рядом.

– Только не вздумай сказать, что мне пора подумать о диете и фитнесе.

– Не буду. Кушай на здоровье.

– Вот спасибо тебе, Шестаков! Вот умеешь ты поддержать человека! – Марьяна перевела дыхание. – А скажи мне, Шестаков, честно. Тебе это нравится?

– Что именно?

– Да все! – Марьяна раздражено взмахнула рукой. – Автоматы эти, топот, шум, крики, выстрелы, пороховой дым, всем на пол, руки за голову, лежать не двигаться. Нравится? Впрочем, можешь не отвечать. Сама вижу...

– Собственно, мы тут не развлекаемся, а проводим спецоперацию по задержанию преступников. И не каких-то там мошенников, которые ограбили своих компаньонов, а людей, вполне осознанно совершающих одно из самых тяжких уголовных преступлений против личности.

– Ой, да ладно тебе, Шестаков, остынь. Мы не на брифинге. Все вы, мужики, одинаковые. Вам только дай власть, на пустом месте войнушку устройте. Когда можно безнаказанно крушить двери, бросать на пол офисных девиц в мини, выкручивая им руки, – это же чистейший адреналин. Ты же явно возбуждаешься, когда проводишь такие спецоперации, да?

– Опять началось! – хмыкнул Шестаков.

– Угадала. Возбуждаешься.

– Все, вставай, нам пора. – Шестаков поднялся первым и ощутил дрожь в пальцах рук. Столько акций провел, а нервы все равно каждый раз шалят.

– Ты не ответил на мой вопрос, – настаивала Марьяна.

– А ты зачем спрашиваешь? Ревнуешь?

Ответить она не успела. Сверху долетел громкий звук, похожий на взрыв, и оба инстинктивно вжали головы в плечи.

– У меня с самого утра были нехорошие предчувствия, – пробормотал Шестаков. – Ты это, приотстань пока на пару этажей...

Впрочем, тревога оказалась ложной. У развороченной стеклянной двери офиса издательского дома «Республика» вполне себе мирно подпирал стенку один из бойцов Седого. Шестаков отдышался и поправил клипсу на мочке уха.

– Ангара, что там у вас? Доложите обстановку. Потери есть?

Седой откликнулся со смешком.

– Да какие тут могут быть потери, командир? Аквариум с рыбками мой боец зацепил. А там воды было с тонну. В остальном – полный порядок. Все временно задержанные готовы давать показания. Соппротивление никто не оказывал, просьб и пожеланий нет...

Перемахнув через лужу, Шестаков заглянул последовательно в монтажную, серверную и ньюс-румы, и порадовался, что погром произведен строго по регламенту. Рабочие столы журналистов аккуратно перевернуты, шкафы и пол-

ки тщательно опрокинуты, яркий офисный ковролин равномерно засыпан битым цветным стеклом от вазонов ИКЕА и осколками разнообразных паразитных гаджетов из магазинов «МультиВидео» – серферов, видеоочков и прочего цифрового мусора. При этом все базовые сетевые станции остались в целости и сохранности. И даже периферия практически не пострадала. Урон издательскому дому – минимальный. И изъять при необходимости будет что...

За спиной, шумно дыша, встала Марьяна.

– Доволен, демон зла?

– Не без того! – Шестаков улыбнулся. – Давно хотелось сунуть палку в какую-нибудь особо вонючую клоаку. А ты не отвлекайся. Работай. Набрасывай свой первичный акт. Я тебе сейчас персональных помощниц Мефодия на подмогу пришлю. Если, конечно, они на что-то еще сгодятся. Сама знаешь, некоторых офисных девушек, у которых в брэнную оболочку заключена тонкая ранимая субстанция, после знакомства с методами работы нашей техподдержки еще неделю преодолевают внутренние вибрации.

Натянув с демонстративной серьезностью белые нитяные перчатки, Шестаков поднял с пола останки бифона гламурной одиннадцатой серии, раздавленного тяжелым тактическим башмаком, на всякий случай вынул из него чип, спрятал к себе во внутренний карман, а мобильное устройство безразлично отбросил в дальний угол...

– Первый, первый, прием, – напомнила о себе клипса

спецсвязи.

– Иду уже, иду, – поморщился Шестаков.

В принципе, вопросы взаимодействия с временно задержанными техподдержка отработала тоже почти на пять. Седой все же внес поправку на специфический контингент сотрудников издательского дома «Республика», и хотя все особи женского пола и выглядели напуганными, но были целыми, невредимыми и даже не слишком помятыми. Конечно, бойцы из «Клина» слегка надорвали им пиджаки и юбки, наставили пару-тройку ссадин особо ретивым, когда с целью деморализации собирали всех в самую тесную каморку, какую только смогли найти, но эти действия, по сути, «не превышали допустимый уровень операционных издержек», как выражалось в таких случаях далекое московское начальство...

Шестаков обвел своим тяжелым взглядом «номер один» всех временно задержанных и заинтересовался ближней девицей. Она была в золотом парике, шоколадной тунике и золотых чулках, подранных на коленках.

– Вы кто такой? – дерзко выкрикнула «золотая» журналистка. – Вы хоть знаете, куда попали и кто мы? Вам это даром не пройдет!

– Еще вопросы есть? – поинтересовался Шестаков, выдержав долгую паузу. Даже в самом маленьком медийном коллективе обязательно найдется парочка таких вот бойких сотрудников. Впоследствии эти бойкие сотрудничают с органами

дознания и следствия даже очень охотно.

– Вы здесь главный?

– Да, – медленно кивнул Шестаков. – Главный здесь я. И здесь, и вообще. Я – главный государственный инспектор в сфере массовых коммуникаций территориального управления «Лаборатории Касперского» по вашему федеральному округу. Еще я оперативный уполномоченный Средне-Сибирского окружного суда на проведение операций по локализации очагов распространения вредоносного медиаконтента. Сейчас вы все являетесь подозреваемыми. И все временно задержаны. С каждой из вас я обязательно познакомлюсь поближе в ходе проведения следственных действий, поэтому можете пока не спешить с громкими обвинениями в мой адрес. Все, что вы сейчас говорите, фиксируется. И каждое ваше слово может быть использовано в ходе судебного процесса не в вашу пользу. Я понятно излагаю?

Ответом ему было тоскливое молчание.

– Оч-чень хор-р-рошо! – подытожил Шестаков. – С вашего разрешения, перейду к главному. К тому, из-за чего мы, собственно, здесь все и собрались. Во-первых, расскажите мне, дамы, кто из работников вашего, скажем так, издательского дома в данный момент отсутствует по причине отпуска, отгула, болезни или по какой-либо иной причине?

– Все здесь. Кроме Мефодия Даниловича, разумеется, – первой отозвалась «золотая».

– Тогда почему я среди вас не вижу шатенки со свет-

ло-серыми глазами? Ей около двадцати восьми. Рост – слегка за метр семьдесят. Телосложение плотное, лицо овальное, смуглое.

– Новых сотрудников наш редактор не нанимал уже года два, – опять откликнулась первой «золотая».

Шестаков покачулся с пятки на носок, перешагнул через чьи-то миниатюрные кейсы, раздавленный помадный перламутр и лаковые туфли с выгнутой шпилькой, пробрался к узкому окну, сдвинул в сторону цветок с большими темно-зелеными листьями и присел, ссутулившись, на неширокий подоконник.

– Значит, как я понимаю, у вас нет желания сотрудничать с органами?

Шестаков вздохнул. Хотя все входы и выходы офисной высотки «Фестиваля» блокированы, лифты и пожарные лестницы перекрыты, крыша контролируется снайпером с соседней высотки и даже неуловимой Гюрзе, казалось бы, никак не выбраться из «Фестиваля» незамеченной, его одолевали неприятные предчувствия. Удивляясь самому себе, Шестаков подергал затворы оконных конструкций. Убедился, что они зафиксированы намертво.

– Ангара, прием, – вызвал он Седого, слегка ударив пальцем по клипсе на мочке уха. – У нас не хватает одной подозреваемой.

– Я трижды все проверили, – откликнулся Седой. – Здесь и спрятаться-то негде.

Шестаков еще раз пересчитал молодых журналисток. Под его взглядом они вжимались друг в дружку, рефлекторными движениями одергивая свои одинаковые мини, и быстро опускали взгляды в пол.

– Тогда где она? По-вашему, она летать научилась? – проворчал Шестаков. – Каратаев готов к разговору?

– Готов.

Директора и главного редактора издательского дома «Республика» Мефодия Даниловича Каратаева содержали отдельно, в его комнате отдыха, уложив лицом вниз на итальянские диванные подушки. Рот временно задержанного украшал табельный кляп. Шестаков устроился в глубоком кресле из кожи серого венесуэльского крокодила и подал знак Седому. Освобожденный от кляпа Каратаев пронзительно взвизгнул:

– Вы! Да как вы смеее?! Вы хоть знаете, чье это издание?!

– А сами-то как думаете? – буркнул Шестаков. – Мефодий Данилович, может обойдемся без громких заявлений про варваров и гуннов, заламывания рук и воплей про разгром? Отвечаю на все ваши еще не заданные вопросы сразу: без взвода автоматчиков – никак. Пробовали. Не получается. Кстати, до нашего прихода у вас действительно был вполне себе симпатичный офис. Вы согласны со мной, подполковник?

Седой хмыкнул.

– Вы... вы... – задохнулся от возмущения директор. – Вы

хам и быдло! Обещаю, вы за все ответите лично! И за погром! И за остальное! Я вам гарантирую!

Шестаков с готовностью кивал, протягивая владельцу издательского дома ламинированный буклет.

– И за происки мирового закулисья я тоже отвечу. Вы только не волнуйтесь. Вам вредно. От волнения артериальное давление поднимается. Сначала прочтите вот это. Я специально для вас пометку сделал на статье двести семьдесят три прим. Не хотите читать? Не беда. Я вам помогу. Здесь говорится о том, что лица, признанные виновными в создании, использовании и распространении вредоносного медиаконтента, наказываются лишением свободы на срок до семи лет. Аналогичные преступные деяния, но совершенные в составе группы лиц, – до пятнадцати лет. И отбывать наказание, кстати говоря, вы будете не на курортах Черноморского побережья Кавказа.

Седой опять хмыкнул.

– Подполковник понимает, о чем я говорю, – продолжил Шестаков. – Когда-то он, скажу вам по секрету, возглавлял мобильную группу физической защиты в одном из департаментов Федерального агентства исполнения наказаний. Могу поспорить, вы не протянете долго даже в самом комфортабельном режимном поселении. А вашим адвокатам понадобится пара лет, как минимум, чтобы разослать жалобы во все судебные инстанции, поэтому отнеситесь к моим словам со всем вниманием. А лучше сразу выдайте мне женщину, ко-

торуую вы недавно наняли. Зовут ее Искра Сергеевна Надеждина. Вы ее можете знать как Северину Субботину, Санни Уж, Лару Митрофанову или Марфу Милецкую. Если я арестую ее сейчас, то обещаю не выдвигать никаких обвинений в отношении издательского дома «Республика». И по поводу компенсации вам тоже не придется беспокоиться. Сейчас у вас в приемной сидит страховой комиссар из территориального филиала страховой группы «Березка», и если мы расходимся довольные, то все убытки, которые вы понесли, будут на сто процентов компенсированы из страхового фонда «Лаборатории Касперского».

– Ничего не понимаю, – замотал головой Каратаев. – Какая еще икра?

– Не икра, а Искра, – раздраженно поправил его Шестаков. – Не делайте вид, что к женщинам вы безразличны. Это ведь не случайность, что вы нанимаете на работу исключительно женщин. Причем в самом привлекательном возрасте.

– А-а-а, я понял! – Каратаев нервно хихикнул. – Это метод психологического давления... Так вот, молодой человек, я нанимаю на работу не женщин, а журналистов. И в моей редакции нет и не было никаких Искр!

– Хорошо. Уважая вашу твердую позицию, официально, под протокол, еще раз предлагаю вам сделку со следствием. И если мы сейчас приходим к консенсусу, то «Лаборатория Касперского» не будет выдвигать официального обвинения против вашего издательского дома и не станет подавать заяв-

ление в суд с требованием об отзыве вещательной лицензии. Соглашайтесь. Вам в этом случае не придется сидеть двое суток в камере муниципального следственного изолятора...

– Уходите прочь! – окончательно разозлился Каратаев. – Я буду разговаривать только в присутствии моих адвокатов!

– К сожалению в данную минуту я никак не могу отсюда уйти. – Упрямство старого медийщика начинало Шестакова удивлять. – Может, пока вы думаете, поговорим о распространении вредоносного контента? Кстати, его количество на медиаплатформах ИД «Республика» в последние пару недель растет. В трех информационных заметках, которые ваши издания выдали в сеть позавчера и вчера, наши сканеры зафиксировали сразу шесть мемов-кейлоггеров. Позавчерашний выпуск авторской программы «Город сегодня» дал нам сразу два новых мема-руткита, а во вчерашнем был бэкдор. Ну и куда это годится, Мефодий Данилович? Я уже даже не говорю о пятнадцати рекламных модулях, с помощью которых ваши заказчики – их координаты мы скоро тоже установим – разбросали подозрительно невнятные сообщений. Наши эксперты склонны считать, что они очень похожи на трояны. Или вы так не считаете? Кстати, когда мы конфискуем ваши серверы, то найдем, я уверен, множество другой интересной нам информации. А через сутки-другие уточнится и количество пострадавших от мемов, которые распространяло ИД «Республика». Андэстэнд ми?

– Не верю! Ни единому вашему слову не верю! – отрезал

Каратаев. – Программирование у нас происходит под строжайшим контролем. У нас тройная защита, контент проходит перед выпуском комплексную проверку, у нас самые современные антивирусные сканеры...

– Вы в этом уверены? Мефодий Данилович, а вы не слишком доверились своему безопаснику? Или вы надеетесь на большие возможности Тугарина Вилена Аркадьевича? Я ни на чем не настаиваю, но мне лично кажется, что Тугарин Змей предпочтет скорее сдать вас со всеми потрохами, чем спорить с «Лабораторией Касперского». Мемокомплексы – не его бизнес. Ему хватает доходов от контрабанды сингапурских порнодженериков.

Шестаков встал с кресла, не торопясь прогулялся от кресла к окну и внимательно взгляделся в автомобильную парковку.

– В общем, даю вам последние пять минут, чтобы обдумать мое щедрое предложение, а я пока отлучусь...

Пробежавшись по пустой редакции, Шестаков нашел Марьяну в нюс-руме. Она хмурилась и диктовала органайзеру свои страховые скороговорки.

– Ты чего? – удивилась Марьяна, заметив Шестакова.

– Посмотри в окно. У тебя же глаз-алмаз. Когда мы поднимались по лестнице, ты должна была обратить внимание на желтый «Ламборджини Мираджио», который стоял в дальнем углу паркинга.

Марьяна нахмурилась.

– Какой-то желтый автомобиль был. Но не ручаюсь, что «Ламборджини». Я еще подумала, что только мутанту мог понравиться такой шипучий цвет...

У Шестакова ослабли колени. Слабость длилась недолго, пару мгновений, но Марьяна успела ее заметить.

– Что-то случилось?

– Я погиб по всем направлениям. Скоро начну верить, что эта девица умеет летать на помеле...

* * *

Шестаков попытался продлить время сна еще хотя бы на пять минут, но на него с трехметрового ЖЖ-экрана уже с укором уставился бот-проповедник.

– Очнитесь! – загремели разом спрятанные по углам многочисленные динамиком с диффузорами из продольно-ориентированного карбона. – Мы живем в эпоху, когда ценность данных, образов и идеологий превосходит ценность материальных приобретений и физического пространства. Прошли времена, когда социальный статус человека измерялся расстоянием, которое он проходил, чтобы увидеть дым соседского бивачного костра. Человечество достигло физических пределов расширения. Каждый может совершать любые путешествия, не выходя из дому. Иллюзия безграничности территорий разрушена. Свободного пространства нет. Человечеству уже давно нечего колонизировать. Единственная сре-

да, в которой наша цивилизация еще продолжает расширяться, наш последний фронтир – это медиасфера. Сегодняшние медиа стали нашей полноценной средой обитания, пространством таким же реальным и таким же незамкнутым, каким был земной шар пятьсот лет тому назад...

Нашарив под кроватью управляющий браслет, Шестаков приглушил звук. И в очередной раз пожалел, что нельзя приглушать изображение. Такой возможности в новых версиях живых панелей производители не предусмотрели в принципе. Интеллектуальная система оживала автоматически при появлении владельца, сама предлагала медийный продукт, исходя из какого-то своего собственного понимания вкусов хозяина, и отключалось тоже сама. И эта фактическая неуправляемость домашней техники регулярно превращала жизнь Шестакова в филиал ада на Земле.

Где-то в глубине души он понимал, что человечество в массе своей лениво, нелюбопытно, а в желаниях своих ненамного опережало бытовые приборы, но от этого понимания легче ему не становилось. Особенно когда холодильник по непонятным причинам отправлял заказы на сосиски, консервированную ветчину и пресервы, которых Шестаков терпеть не мог, а шеф-плита почему-то заваривала не чай, а крепкий эспрессо, и на завтрак услужливо предлагала яичницу с беконом, яйца всмятку и хрустящие тосты с джемом, хотя Шестаков вполне мог обойтись пшеничной кашей.

Интеллектуальные чипы дымились, стараясь изо всех сил,

но предугадать желания Шестакова не могли. А он, в свою очередь, никак не мог избавиться от бытовых гомункулусов, поскольку неудобные ему устройства были успешно инсталлированы в интерьер и не отделялись от жилплощади, которую Шестаков арендовал уже пять лет. Ему нравилось жить в Восточном крыле «Миллениум-сити», который синей горой возвышался над крупнейшим в Юго-Западной Сибири торговым кварталом «УльтраМега», и уезжать он не хотел никуда.

Единственное, что успокаивало, – полчаса занятия йогой. После нескольких сложных асан мысль о необходимости очередной поездки на работу уже переставала пугать.

– А что думаете, святой отец, по поводу шопинг-мастурбаций? – Шестаков обернулся за поддержкой к телевизионному проповеднику, но тот лишь беззвучно раскрыл рот и исчез. Из эфирных недр всплыл федеральный канал деловых новостей, и на весь экран заулыбался блондинистый бородач с косым пробором. За спиной бородача маячила фотография штаб-квартиры «Лаборатории Касперского», и Шестаков сразу напрягся.

– В ближайшие полчаса с вами Жан Осколков и самые актуальные новости, – доверительным тоном сообщил блондин.

Шестаков прибавил громкость.

– Вчера популярный в России «Каспер», который до недавнего времени считался стопроцентно безопасным и

эффективным антивирусным программным продуктом, за несколько минут заблокировал почти миллион исправных серверных переходов. Сбой в работе ячеек всемирной сети в результате отказа модулей под управлением операционной системы «Раптор Хром» версий 7.0 и выше произошел в ходе одного из плановых вечерних обновлений. Русский антивирусный сканер ошибочно принял за вирус warlord.all системный файл svchost.sis.exe, блокирование которого привело к реверсивной перезагрузке операционных систем. В ряде случаев ГуглОСы переставали загружаться вообще. В результате ошибки пострадали не только миллионы частных пользователей, но и корпоративные сети клиентов госкомпании «Лаборатория Касперского». В том числе, информационные порталы федерального правительства. В корпорации «Интел» пока не подтверждают информацию о сбоях в работе своих подразделений в России...

Служебная трубка, недовольно пискнув, никаких непрочитанных сообщений не выдала. Шестаков нахмурился и потянулся к дверце комнаты-шкафа.

Темные брюки. Белая майка. Рубашка «айс-крим». Где черные носки? Да, точно, они там же, где и черные оксфорды от модного дома «Джаччи».

Чашка черного кофе. Редкий случай – кофеварка не ошиблась...

Еще три минуты на поиски пропавшего твидового пиджака.

Улыбающийся оператор на стоянке.

– Славное утро, господин советник. Днем обещают солнце...

Шестаков коротко кивнул, и пока вспоминал имя – Виктор, Валерий, Витольд, Виталий, Валентин? – парковочная автоматика выплюнула из узкой ячейки его черный «Спирит». Теперь бы вклиниваться в плотный утренний поток автомобилей, чьи владельцы тоже пытаются выбраться на бульвар Архитекторов, чтобы попасть в платный тоннель под рекой. Желających попасть в Деловой город и Старый город было, как обычно, слишком много. Намного больше, чем пропускная способность тоннеля.

Заблокировав попытки бортовой системы рассказать о прогнозе погоды на весь предстоящий месяц, Шестаков настроился на режим «Попутчик». Дорога вместо нескольких минут вполне могла растянуться и на полчаса. И даже на час. Под звук альпийского рожка на живой панели замигали запросы от трех потенциальных попутчиков – Геллы, Проникающей Радиации и Угрозы. Шестаков выбрал Геллу и притормозил на съезде с Центрального пандуса.

– Привет, спасибо, пусть твой день будет добрым и ясным, добрый человек! – отбарабанила ритуальное приветствие попутчица, втискиваясь на узкое заднее сиденье спорткара.

– Привет и тебе, Странница. Как поживает собака Патриций?

– Ой, прости, не узнала тебя сразу, – улыбнулась в ответ

девушка. И охотно рассказала, что собака Патриций пожирает хорошо, ему нашлась пара, и вчера он уже ходил знакомиться с невестой. Но невеста его проигнорировала, поэтому планируется второй тур.

– А как твои дела, Странник? – Девушка небрежно поправила прическу с ярко-красными прядями в длинной челке. – Давно не видела тебя на Общей Дороге.

Шестаков молча пожал плечами. Разговаривать ему не хотелось. По большому счету, он даже не понимал, зачем подбирает иногда эту Геллу по пути в Старый город. Ничем из общей массы девушек ее возраста Гелла не выделялась. За муж не ходила. Детей не любила. Готовила редко, предпочитая кулинарной свободе жесткие стандарты кухонных дров. Зато обожала собак, кошек, хомячков, крыс, канареек, попугаев и прочую живность. Читала ограниченный набор новостных ресурсов. Была заточена на карьеру. Работала, вероятней всего, в не крупной медиаструктуре. Каким-то, вероятно, вторым помощником или младшим консультантом по имиджу. Этакая исполнительница «куда пошлют».

Мир, который ежедневно наблюдало на мониторах и телеэкранах поколение родителей Геллы, был образцовым изображением несуществующей реальности. Они всеми силами пытались ему соответствовать, пока не растратили свою энергию и не пришли к выводу, что меняться самим не обязательно, достаточно научиться изменять реальность, управляя контентом. А потом подросли их дети, продукты медиа-

эпохи, и стали создавать медиапродукт, который уже даже не пытался маскироваться под реальность. Этот контент и был той самой реальностью...

– Ой, меня высадить нужно было, – встrepенулась Гелла, когда они выбрались из тоннеля.

Шестаков чертыхнулся, но все же смог перестроиться в крайний правый ряд и припарковаться.

– Пока-пока, Странник! – Гелла взмахнула синей перламутровой сумкой, зажатой между синими флюоресцентными ногтями, и выпорхнула на тротуар. – Не скучай!

– Не буду, – твердо пообещал Шестаков. Вернув машину в режим автоматического управления, он первым делом помассировал шею. Поток был по-прежнему плотным, но теперь его авто хотя бы вырвалось на верхний ярус проспекта Мира, где уже можно было увидеть, задрав голову, небольшой кусочек низкого неба. Обзорность могла бы быть и лучше, если бы не постоянно растущий вверх комплекс высоток Делового города, напоминавший Шестакову коренной зуб, сильно подточенный кариесом. На пару секунд ему даже захотелось закрыть глаза и очутиться где-нибудь очень далеко. В совершенно другом месте. Там, где можно ничего не знать и ни о чем не думать. Он даже попробовал было зажмуриться, но реальность упруго спружинила...

– У вас все в порядке? Не нужна помощь, советник? – с неприкрытым любопытством поинтересовался пристав, охранявший парковку. Ему явно наскучило пылиться в сво-

ем стеклянном шкафу.

– Все в порядке, э-э-э... Спасибо, Игорь, – пробормотал Шестаков, вспомнив в последнюю секунду имя законника. Пристав расплылся в улыбке и стал еще больше походить на лошадь першеронской породы. Высота в холке до 175 сантиметров. Типичная масть – серая, но встречается и вороная. Предназначена для работ, требующих особой силы и выносливости...

– У нас с сегодняшнего дня действует новое распоряжение, господин советник. Все сотрудники категории «Б» и ниже должны будут при входе сдавать табельное оружие.

Брови Шестакова непроизвольно поползли вверх.

– И чье это распоряжение?

– Не могу знать, господин советник, – пожал плечами законник. – Мне доведено в устной форме.

В лифте Шестакову в голову опять заползла Гюрза. Она же Искра Сергеевна. Вчерашний день был тяжелым и не принес ни единой хорошей новости. Камеры наблюдения с парковки «Фестиваля», на которые Шестаков сильно надеялся, записали только «белый шум». Причем с того самого момента, когда техподдержка пошла на штурм. Безопасники «Фестиваля» кивали на группу Седого: мол, они оборвали кабель, а Седой клялся, что оборвать армированное оптоволокно его бойцы не смогли бы даже при очень большом везении. В общем, поработали хорошо, крайних опять нет.

И по машине полный ноль. Как официально сообщила до-

рожная полиция, в городе зарегистрировано два «Ламборджини-Мираджио». Одного монстра подарил на совершеннолетие любимой дочурке генерал-губернатор. На втором авто – какое интересное совпадение! – раскатывает по городу гражданка Гусельникова, без пяти минут законная супруга владельца «Фестиваля» Геннадия Пашкова. Но эта юная госпожа, осторожно опрошенная следователем, божилась, что именно в тот день она к своему будущему мужу на работу не заезжала, а провела весь день в спа-центре «Алтайская мечта».

Можно, конечно, проверить показания этой Гусельниковой, поговорить с ее подругами, но это будет, как опасался Шестаков, бессмысленной тратой времени. Версия с машиной отвалилась, и с этим фактом надо смириться. Любой здравомыслящий федеральный судья, к которому Шестаков обратится с предложением о продлении сроков предварительного следствия, сразу спросит: все ли в порядке у тебя с головой, советник? Какую еще машину ты будешь искать, если и так все понятно?

На своем этаже Шестаков едва не споткнулся о непривычную тишину.

– Здравия желаю, – хмуро обронил он, озираясь.

Персонального кабинета Шестаков не имел никогда. Сначала не позволяла должность, а когда позволила, было уже поздно что-то менять. И Шестаков распорядился построить себе небольшое возвышение в самом центре оперативного

офиса. Тогда ему казалось, что если подчиненные будут постоянно видеть, как босс горит на работе, то они начнут гореть тоже. Или хотя бы тлеть. Но жизнь показала, что он заблуждался...

– О чем молчим? – поинтересовался Шестаков, опускаясь в свое любимое жесткое кресло с прямой спинкой. – Почему никто не доложил о проблемах в московской штаб-квартире? Или я, по-вашему, должен узнавать новости из телевизора? И где, кстати, наш многоуважаемый Жорес, черт его подери, Андреевич?

Шестеро молодых и чем-то неуловимо похожих друг на друга оперативных следователей – Иннокентий, Михаил, Матвей, Павел, Петр и Илья – одновременно посмотрели в дальний угол офиса, где в ожидании очередной неприятности скукожился человек с простой русской фамилией Кузьмичев и не совсем русским именем Жорес.

– Господин Кузьмичев, могу ли узнать у вас, куда подевался мой экземпляр ночного отчета этих ракообразных особей, которых лишь по чудовищному недоразумению называют аналитиками?

– На рабочем столе вы уже смотрели, Дмитрий Сергеевич? – осторожно уточнил Жорес.

Шестаков раздраженно ткнул пальцем в иконку на матово-черной столешнице, брезгливо смахнул в корзину настольного персонального бота, и сразу же обнаружил потерю. Там висела и ссылка на оригинал статьи из вчерашнего но-

мера «Уолл-Стрит Джорнэл», которую с видимым удовольствием цитировали все российские информагентства. Внештатный автор «Уолл-Стрит Джорнэл» Дэнис Гловер спрашивал сам себя: а не опаснее ли антивирус самого вирус? И сам себе отвечал: эвристический анализатор, мол, часто совершает ошибки, сигнатуры вирусов могут скрываться внутри совершенно безобидного файла, но вообще-то на фоне остальных популярных продуктовых линеек эти фаги, изготовленные «Лабораторией Касперского», выглядят еще вполне пристойно. По данным, мол, инжиниринговой компании AVG, количество ложных срабатываний у всех модификаций «Каспера» не превышает восьми процентных пунктов...

Шестаков раздраженно смахнул документ в корзину и подал знак Кузьмичеву. Тот с обреченным видом привстал, пошевелил усиками, размял пальцами опухшее лицо и без пауз произнес:

– На официальном портале «Уолл-Стрит Джорнэл» материал не появлялся, либо эти мерзавцы не смогли обойти защиту, либо даже не пытались, тем не менее инфа была вброшена технично: сначала ее слили как сенсацию неформатному агентству, потом под видом официального перепоста прокрутили в дайджестах, а после легализации заслали в массовый тираж...

– Стоп, – оборвал его Шестаков. – Еще раз повтори все вышесказанное, но уже помедленней.

Жорес послушно повторил. И добавил про ареал распространения, который был узким, и про частичный охват. Задеты лишь территории Центрального Урала, слегка Северный Урал и парочка регионов Дальнего Запада. Сибирь почти вся осталась в стороне. Юго-Запад зацепило краем, да и то сильно затухающей волной. Утренний замер показал остаточный информационный фон на уровне ноль целых четыре десятых пики. Одно из двух: либо работали чрезвычайно везучие непрофессионалы, либо это были профи, которые ту-по двигались вслепую. Били по площадям, рекламируя свои возможности.

– Уверен? – Шестаков на секунду даже перестал хмуриться.

– На сто процентов, – кивнул Жорес. – Не зря нам почти сразу дали «отбой». Там теперь окружная управа отрабатывает.

– По «Республике» есть новости?

– Продолжаем работать... – уклончиво ответил Жорес. – Тарас утром вернулся чуть живой, я его отпустил до вечера.

– Напрасно, – проворчал Шестаков. – Михаила освободи от всех дел и перебрось на «Республику». Понял? А если понял, то не стой, как древнегреческий статуй, а бери лопату и копай. Меня Суматошный к себе требует. Будем сейчас иметь разговор в целях профилактики вирусных инфекций...

Управляющий директор территориального управления

«Лаборатории Касперского», вопреки говорящей фамилии, суматошным не был. Жил он размеренно, осторожно, московскому начальству стараясь не докучать. Недостатков у него было всего два – привычка говорить очень тихо и употреблять табак. И не просто табак, а очень крепкие контрабандные сигареты, которые производила лишь одна страна в мире – Республика Косово.

Шестаков попытался хитрым маневром занять стратегически выгодную угловую позицию за столом для брифингов, но Суматошный, прокашлявшись, указал ему рукой на низкое кресло напротив окна. Управленческий народ в шутку прозвал этот предмет мебели дыбой.

– Рассказывай, – кивнул Суматошный.

– Рассказываю, – кивнул в ответ Шестаков. – К вечеру обещали снегопад, Рэм Филиппович. Даже странно. Почти май за окном, а прогноз на всю неделю отвратительный...

Суматошный неторопливо разорвал целлофановую обертку новой пачки, выбил из нее тонкую сигарету, щелкнул зажигалкой и выпустил вонючий дым в потолок.

– Чувство юмора я оценил... Теперь о делах. Что там у нас на мемном фронте?

– В поселениях Оконешниковского муниципального района выявлены три новые модификации фрактальных мемидов. – Шестаков протянул начальству квадратную карточку из монокристалла сапфира, на который он предусмотрительно сохранил файл с заранее подготовленной справ-

кой. – Все три случая с летальными исходами. Мы предполагаем, что применялись линейные трехуровневые мемокомплексы с асимметричным кодом. Есть основания полагать, что их базовая мемная структура относится к четвертому классу опасности и действует по принципу трояна. Но это пока лишь предположения. Нужно будет провести детальный анализ. И я категорически настаиваю на немедленном введении мероприятий по ограничению доступа во все поселения в районе Оконешниково.

– Какова погрешность? – уточнил Суматошный.

– Менее двух процентов, – заверил Шестаков и рассказал, как в рабочем поселке Куломзинское неработающий гражданин в возрасте тридцати семи лет избил сестру черенком от лопаты за то, что она забыла вечером подоить корову, после чего привязал избитую за ногу к телеге и таскал за собой по всему поселению. Другой эпизод – скандал в селе Золотуха. Пара прожила в браке двадцать лет. А когда расходились, не смогли поделить совместно нажитое имущество – корову. Бывший муж, никогда не работавший, запер бывшую жену вместе с коровой в помещение для хранения сельхозинвентаря и поджег снаружи. Пока бывшая супруга горела, он раскатывал на телеге по улице и разбрасывал по чужим дворам ее личные вещи. Третий эпизод – Любимовка. Два соседа делили участок, который они раньше совместно использовали под летний выпас крупного рогатого скота. Поспорили. Решили устроить гонки на механизированных телегах, чтобы

победителю достался весь участок. Инициатор гонок выпал на полном ходу из своего транспортного средства и попал под задние траки.

– При всей внешней несхожести этих происшествий, в них явно прослеживается акцентуация на двух формализуемых объектах – корова и телега, – пояснил Шестаков.

Суматошный задумчиво прикурил очередную сигарету.

– А что там по «Республике»?

– Проводим проверку в рамках сорок четвертой статьи. По предварительным данным – изготовление и распространение. В особо крупном. Таким материалом грех не воспользоваться.

Суматошный хмыкнул и с усилием вдавил окурок в пепельницу.

– А дальше?

– Что дальше? – растерялся Шестаков.

– Это я тебя спрашиваю. Ну воспользуемся материалом. А что потом? Ты в суде гарантируешь положительный результат?

Шестаков вздохнул и невольно задержал взгляд на большом портрете Верховного правителя России в массивной раме из золоченой балканской березы. По тонкому интеллигентному лицу главы государства блуждала странная и местами загадочная улыбка, смысл которой Шестакову разгадать было не дано...

– Значит, фактов у тебя действительно нет? – уточнил Су-

матозный. – Понятно...

– У меня есть полная уверенность, что Гюрза связана с «Республикой». Дайте мне неделю, и мы все найдем.

– Мне не уверенности твои, мне факты нужны. «Фестиваль» этот уже во всех моих печенках фестивалит. Даже митрополит звонил.

– И что Владыка? Предлагал помолиться за наше спасение?

– А ты поулыбайся мне, поулыбайся. Владыка никогда ничего не предлагает. Он просто поинтересовался, почему я храм давно не посещал. А что мне ему сказать в ответ? Времени нет? А времени потому и нет, что мне приходится разгребать позавчерашние новости про несуществующих блондинок... И не пытайся меня переубедить. Я помню, что ты у нас юное дарование. И все еще не вижу ни одной причины, из-за которой ты не можешь занять в среднесрочной перспективе мое кресло. Но с этой Гюрзой у тебя явный перегиб. Из Искры, понимаешь, у него возгорится пламя!

– Виноват!

– Ты хоть отдаешь себе отчет, что делаешь? Для всех остальных, кроме меня, ты два года разыскиваешь гражданку, которой не существует. Для Федерального агентства национальной безопасности ее нет. В Федеральной службе миграции и в Федеральном агентстве по финансовому мониторингу ее тоже не знают. Ее знаешь только ты. Вот и скажи мне тогда, где она.

Шестаков промолчал, разглядывая пыльный офисный сад камней на подоконнике.

– Ладно, – неожиданно подобрел Суматошный. – Пару дней я тебе дам. Но и ты не забывай, что если не будет убедительных фактов, никакая интуиция тебе не поможет. В лучшем случае – длительный отпуск. В худшем – сам понимаешь...

Из начальственного кабинета Шестаков выбрался почти задохнувшимся. И боком, как краб. Дыхание он смог перевести только в полутемной тесной канцелярии. У лифта коротко кивнул смутно знакомому человеку в зеленой форме Ростелекома и сразу схватился за свой бифон. Первым делом набрал Жореса. Линия оказалась занята. Тогда он механически принял незащищенный входящий вызов.

– Ты как там, генерал Дима?

Шестаков собрал волю в кулак, чтобы не сорваться на крик.

– Марья, времени в обрез. Если что-то срочное, говори. Но очень быстро. ОК?

– Ты сейчас в своей конуре?

– У тебя поразительная интуиция.

– Точно. А еще я умею немного предсказывать будущее.

Оперуполномоченных из Ростелекома видел?

– Допустим. – Шестакова опять стали одолевать плохие предчувствия.

– Только ты башкой не крути по сторонам. Сделай на лице

улыбку. Кто-то из них сейчас рядом?

– Допустим. – Шестаков натянуто улыбнулся.

– Тогда послушай дружеский совет, генерал Дима. Никому не звони, а бери руки в ноги и сматывайся. Времени у тебя совсем нет. И даже не надейся, что все обойдется.

– Не обойдется?

– Нет. Извини за плохие новости...

* * *

Хилая полоска света с автостоянки осталась позади. Впереди были только густая холодная ночь и забор из шершавых бетонных плит, казавшийся почти бесконечным. Шестаков остановился, перевел дух, и прислушался к тишине Юго-Восточного округа, утонувшего в хаотичном нагромождении старых фабричных зданий. Старательно следуя короткой инструкции, которую получил от Лю Тана, Шестаков добрался до теплотрассы, миновал изгиб компенсатора, вслепую перебрался через двухметровую канаву по шаткой и ржавой металлической конструкции. До цели, по его прикидкам, оставалось совсем немного...

– Руку!

Шестаков, едва не свалился от неожиданности в канаву.

– Кто здесь?

– Не пугайтесь. Тан зовет меня Ву. Он говорит, что по-китайски у этого имени два значения – Ворон и Колдун...

Уберите свет. Идите на звук. Здесь дыра в заборе. Хватайтесь за мою руку.

Трава на другой стороне забора была мокрой, и в дорогих мокасынах Шесткова мгновенно захлюпало.

– Далеко еще? – огорченно поинтересовался он.

– Видите тот ангар, который за бывшим пятьдесят седьмым корпусом? Там и передохнем. Особого комфорта, правда, не обещаю...

Пока они по очереди протискивались в узкую щель между остатками кирпичной стены и ржавым железом ангара, Шестаков успел заметить шевеление в углу.

– Здесь еще кто-то есть?

– Это крысы. Не обращайтесь внимания. И осторожнее, пожалуйста, на ступеньках. Поднимайтесь за мной на второй ярус. Там я отраву рассыпал. А иначе бы эти черные друзья давно все сгрызли. Проходите вперед, не стесняйтесь, дверь я оставил открытой. Сейчас свечу зажгу. Здесь уже можно. Окон-то нет...

В узкой комнатке когда-то, видимо, была щитовая. Теперь место электрощита занимал низкий топчан. В одном углу поблескивал старый умывальник с эмалированной раковиной, криво привинченной к стене, в другом – железный ящик, который лет сто назад смог бы претендовать на высокое звание сейфа, но после длительной эксплуатации и множественных перекрасок стал вызывать только жалость...

– Уютно тут у вас. – Шестаков опустился на скрипучий

топчан и поморщился от сложного букета запахов, в котором доминировали ноты кислого молока и прелых тряпок. – Начнем с главного. Автомобиль, как договаривались, я оставил на охраняемой стоянке у торгового комплекса «Три кита». Доверенность с правом продажи – в багажнике. Тан просил, чтобы чип-ключ я отдал человеку, который меня переправит через Канал. Я хотел бы иметь полную уверенность, что вы – это именно тот человек.

Контрабандист поднял жестянку с оплывшим огарком повыше и Шестаков разглядел шишковатую и почти черную от загара лысину, необычно светлые брови, отсутствующий передний зуб и нос, сдвинутый влево. Все приметы совпадали. Именно так и должен выглядеть Паровоз – последний русский, которому каким-то чудом удалось удержаться в бизнесе, давно контролируемом китайцами из ближних к Каналу поселений.

– Извините за недоверчивость, – Шестаков отчего-то смутился.

Паровоз с осторожностью взял в руки кремниевую пластину в платиновой окантовке, приоткрыл скрипучую дверцу сейфа и с явным облегчением забросил чип-ключ куда-то в самую его глубину.

– Пусть Тан сам разбирается, – пояснил он Шестакову. – Мое дело – переправить через Канал... Новичок?

– Не совсем, – зачем-то соврал Шестаков, старательно отгоняя от себя липкий страх.

Контрабандист с кряхтением опустился на колени, сунул голову под топчан и выудил большой черный мешок из толстого пластика.

– Здесь все, что может понадобиться – куртка, брюки, ботинки, термобелье. Обмундирование новое, добыто в прошлом году на складе Тринадцатой ракетной армии. Размер приблизительно ваш. Разве что ботинки могут быть великоваты...

Шестаков послушно переоделся. Ботинки тоже оказались впору. Через несколько минут, когда запах антисептика стал не таким острым, он уже чувствовал себя новым человеком.

– Вам раньше приходилось переправлять людей? – не удержался Шестаков от вопроса.

Контрабандист ухмыльнулся черной дыркой отсутствующего зуба.

– Главное, не запаниковать. Бояться можно, страх выжить помогает. А вот если паника накроет – это конец. На моем участке полоса отчуждения узкая – около пятидесяти метров. Ориентиром для вас будет красный свет. Пока красная точка впереди светится – направление верное. Накроет акустической волной – падайте на землю. Отраженная волна не так опасна, как прямая. Правда, у некоторых голова вертолетом с+ непривычки идет, но это если мозжечок слабый. Примите заранее «Релеватин». Полезная штука. И как успокоительное, и как средство для ослабления последствий от излучателей. В смысле, если вдруг прямо под него...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.